

определялись политикой государства. Но в целом заимствования оставались в новой среде неорганичными, искажая европейские образцы. В итоге и моноэтнические этносы (японцы), и более сложные сообщества (население Малайзии), успешно демонстрируя статистические показатели национального развития, не могли сблизить свои культуры с европейскими, сохраняя собственное своеобразие.

В теоретическом анализе судеб наций и их культур за пределами западных стран обильный материал дает опыт строительства социализма в СССР. Здесь в начале XX в. стал воплощаться проект К. Маркса, альтернативный капитализму по ряду политических, социально-экономических параметров и нацеленный на построение справедливого общества. Однако процессы этнического и национального развития классики марксизма понимали в ключе вестернизаторского мышления: этнические культуры неизбежно будут трансформированы в национальные, которые позже тоже исчезнут, их место будет занимать «человечество без наций». В СССР эти грезы выразил В. В. Маяковский: «...без России / без Латвий / жить единым / человечьим общежитьем». Однако советские политики радикально изменили задачи и технологии этой стратегии, формируя не буржуазную, но социалистическую нацию. Вместо растворения этнических форм в интернациональной культуре ставилась цель за несколько лет или десятилетий превратить ряд крупных этносов в социалистические нации; остальные меньшинства подтягивались бы к этому состоянию политикой выравнивания; в итоге появился бы советский народ. При этом в СССР (как и в РФ) термин «нация» относили ко многим этносам и частично к народностям, а родоплеменные группы назывались народностями; все это создавало терминологическую путаницу и сложности в изучении национальной культуры.

Вместе с тем богатейшая практика цивилизационной интеграции имперского периода советскими политиками и учеными игнорировалась. Здравый смысл подсказывал, что конструктивные